

О романе Филипа Рота «Американская пастораль» (Обзор статей).

Созданный в век «постмодерна» роман Ф.Рота «Американская пастораль» (1997) – знаменательное событие в современной литературе США. Это то самое «метаповествование», «великая история», которая отражает вечные общечеловеческие проблемы: поиски идентичности, взаимоотношения поколений, конфликты отцов и детей, представление о труде и знании как средстве достижения счастья, конвенционализм как основа согласия большинства относительно чего-либо.

Ф.Рот поставил перед собой задачу показать в частной судьбе героев отражение и преломление жизни страны, детерминировать их внутреннюю связь и взаимозависимость. Роман Рота отличает глубокое исследование тайны личности, осознание человеком себя. Он решает эту проблему в двух аспектах. На позитивном материале – образе ослепительно красивого юноши, выходца из семьи еврейских иммигрантов, Сеймура Ирвинга Лейвоу, носящего прозвище «Швед», будто приросшее к нему, превратившее его в миф, «каким он никогда не стал бы под именем Сеймур... Он носил это имя с собой, как паспорт-невидимку, заходя все дальше и дальше в глубь американской стихии, решительно эволюционируя в высокого, обаятельного, оптимистичного американца» (с. 270)¹. Швед понял и принял свою миссию человека с вытекающим отсюда пронзительным чувством ответственности за свои действия. Негативный материал – образ Мерри, обожаемой Шведом дочери, вступившей на путь терроризма и ставшей преступницей по отношению к феномену собственной личности и обществу. Предательство по отношению к себе приобретает в романе мифологические черты, выражающиеся в отсутствии чуткости к органической, пасторальной красоте мира и своей созвучности ей даже в предельно жестоких экстремальных ситуациях.

¹ Филипп Рот. Американская пастораль. – СПб. – Москва: Лимбус пресс; 2007. – 539 с. Далее страницы даны по этому изданию.

Исследователь творчества писателя Т.Пэрриш в предисловии к роману «Конец идентичности» утверждает, что Мерри являет собой вакуум идентичности. «Она – это постмодернистский ужас (postmodern horror), который выплеснулся так далеко за границы субъективности, что она в итоге предпочла не быть собой вообще» (3, с. 93).

«Дочь депортировала отца из возделенной американской пасторали в мир, противоположный пасторали, дышащий яростью, неистовством, отчаянием – в кипящий американский котел» (Ф.Рот, с. 115). Д.Р.Роуэл пишет: «Пастораль – это состояние ума, которое не принимает конфликта, противоречий, неопределенности» (4, с. 20). Швед жил пасторальной жизнью США 1950-х годов и был счастлив. Шведа мало беспокоили военные проблемы из-за его верности, преданности «эпистемам американского пасторализма» («to the epistems of the American pastoralism») (там же). Дочь и шестидесятые годы положили «конец взлелеянному в мечтах американскому будущему, которое, несомненно, должно было прийти на смену здоровому американскому прошлому» (Ф.Рот, с. 114). Главная функция Мерри в романе, пишет Дж.Капуто, – быть эмиссаром анти-пасторализма (emissary of counter-pastoralism) (2, с. 24).

Мерри захвачена стихией антивоенной, антикапиталистической радикальной политики 1960-х годов. Она «испытывает неутолимый голод выжечь американскую политическую платформу и американский образ жизни (mainstream lifestyle) как политическое преступление» (4, с. 14).

Американская исследовательница С.Байлунд в своей статье о бунте Мерри (1) полагает, что Швед мирится с несправедливостями капитализма еще и потому, что эта система помогла еврейским иммигрантам ассимилироваться в США: «говоря метафорически, Швед не хочет бить по руке, которая его кормит» (1, с. 20). Мерри же встала на путь борьбы с детства. Все началось с отрицания домашней еды, фиксирует начало ее бунта С.Байлунд. Она использовала свое отношение к еде как средство мятежной манипуляции:

сначала для сохранения автономии по отношению к ценностям и установкам семьи и затем – по отношению к обществу. Будучи подростком, она открыла для себя, что изменение ее вкусовых привычек способствует ее политическому авторитету.

Юная Мерри отказывалась есть завтраки, которые мать давала с собой в школу – ей казалось, что школьные друзья могут подумать, что их завтраки беднее. Она придумывала всякие уловки, например, говорила, что хотела бы есть в школе горячий суп, но неизменно выливала его или разбивала специально купленные для этого термосы. Она выбрасывала всю домашнюю еду и оставляла только монетку, на которую покупала мороженое. Для Мерри было важно, чтобы она сама решала, что ей есть – без материнской юрисдикции.

«Дома она почти напрочь отказывалась от еды, но зато в школе и на улице непрерывно что-то жевала: чизбургеры с картошкой фри, пиццу, жареные луковые колечки, а потом наливалась ванильными молочными коктейлями и шипучим лимонадом, поедала бесчисленные мороженые. Они [родители – ред.] и оглянуться не успели, как их дочь стала крупной шестнадцатилетней девахой – неопрятной, почти шесть футов роста, с размашистой походкой» (Ф.Рот, с. 133).

Родители недоумевали, что «эта девочка в своем черном акробатическом трико кузнечиком скакавшая в с кресла на стул, а потом обратно в кресло, легко перепрыгивавшая с одних взрослых на других, вдруг отбилась от рук...» (с. 132).

Тема еды, подчеркивает С.Байлунд, обладала особой остротой в американских семьях, прежде всего в семьях старшего поколения иммигрантов, каким был отец Шведа. Угроза голода в годы Великой депрессии формировала сложные отношения родителей и детей, поведение во время трапезы, когда все лучшее старались отдать детям. Известный американский критик А.Кейзин, такой же представитель еврейской интеллигенции, как и Филип Рот, в своей

книге «Бродяга в городе» рисует впечатляющую картину американской жизни в годы, предшествующие Депрессии. Родителям зачастую приходилось добывать еду для детей силой. «Ешь! Ешь! Ты погибнешь, если не будешь есть! Какой грех я совершил, что Господ так наказывает меня с тобой! Ешь». «И благодаря родителям мы не имели шанса узнать, что такое голод»¹.

Мерри же с негодованием бросает в лицо отцу обвинение: «All you can think about, all you can talk about, all you care about is well-being of this fucking little family».

«В дальнейшем диетические привычки Мерри приобретали все большую пасторальную окраску («pastoralism heavy emphasis»), направленную против устойчивости, благосостояния и единства семьи» (1, с. 17).

Молодое поколение чувствовало фальшь американских лозунгов, буржуазных ценностей и милитаристской политики. «Их охватывали судороги от погони среднего класса за карьерой, семейным благополучием, успехом, и они размахивали свои отчуждением как знаменем», – пишет исследователь ситуации 1960-х годов в США Т.Гитлин»².

Первую самодельную бомбу Мерри бросила «в самое сердце своего отца» – она убила хозяина единственного в пятидесятых годах магазина в Олд-Римроке, который служил местом встреч старинной фермерской общине. Здесь стояла первая школа дочки Шведа Лейвоу, на ступеньках магазина дети ждали своих родителей. Швед приходил сюда каждую субботу за свежей газетой. Он любил это пронизанное пасторальными эмоциями место. Потом она убила еще трех ни в чем не повинных людей. Укрывшись в Чикаго, она первое время испытывала страшное одиночество. И чтобы не дать видениям родного дома окончательно вывести себя из равновесия, она, пишет С.Байлунд, находила какую-нибудь забегаловку, присаживалась у стойки бара и заказывала бутерброд – бекон-салат-томат (BLT) с ванильным молочным коктейлем.

¹ Kazina A. A Walking in the City. N.Y.: Glove Press, 1958. – P. 18.

² Gitlin T. The sixties: Years of hope, days of rage. – N.Y.: Bantam, 1987. – P. 27.

Сосредоточенность на медленном пережевывании пищи поддерживала в ней способность жить дальше в полном одиночестве.

После совершенных ею терактов Мерри обратилась к другой крайности – джайнизму с его концепцией ненасилия, ахимсы и салла хана – доведения себя до голодной смерти. Булемический бунт Мерри сменился анорексическим. «Выбрав голодание, она сама превратилась в хаос», – констатирует Байлунд (1, с. 15).

К 70-м годам жизнь с США кардинально изменилась. Бунт молодежи и расовые проблемы подорвали романтическое представления о благословенной Америке, нанесли сокрушительный удар по концепции Американской мечты и пасторальному мироощущению. «Мерри борется, чтобы подорвать романтические мечты о благословенной Америке, которые коренились в традиционных представлениях о капитализме, прогрессе, материальном благополучии, только для того в конечном счете, чтобы заменить их другим обобщающим и по сути менее рациональным комплексом представлений постмодернизмом» (1, с. 25). В результате поиски Мерри самой себя приобретают постмодернистскую версию личности. Она безвозвратно теряет основы своей идентичности, просто лишается ее.

Все, что делает Мерри, – это попытка до основания разрушить пасторальные нормы (*pastoral norms*) без всякой мысли о последствиях (1, с. 23). Мрачная ирония ее матери подтверждает это: «Ты не против войны – ты против всего» (*You are not antiwar, you're antieverything*) – против всего, во что верил ее отец и большинство американцев» (там же).

Писатель Натан Цукерман, от лица которого ведет свое повествование Филип Рот, признается, что начал осознавать истинное значение Шведа, «куда большее, чем талант в спорте, а именно: талант быть собой, обладать этой странной захватывающей силой и все же говорить и улыбаться даже без тени превосходства, проявляя врожденную скромность того, для кого нет

препятствий, кому никогда не нужно торопиться, чтобы занять свое место под солнцем (Ф.Рот, с. 32).

1. Байлунд С. Бекон-салат-томатная (BLT) борьба Мерри Лейвоу: Пищевой бунт в романе Рота «Американская пастораль».

Byland S. Merry Levov's BLT crusade: Food-Fueled revolt in Roth's American Pastoral // Philip Roth Studies. Purdue Univ. press, 2010. Spring. – Vol. 6. – № 1. –Р.3–30.

2. Капуто Дж. Между добром и злом // Против этики: Вклад в поэтику обязательств с постоянной ориентацией на деконструкцию.

Caputo J. Between good and evil // Against ethics: Confrontations to a poetics of obligation with constant reference to deconstruction. Bloomington: Indiana UP, 1993. – P.18–32.

3. Пэриш Т. Конец идентичности: «Американская пастораль» Филипа Рота.

Parrish T. The end of identity: Philip Roth's «American pastoral» // Philip Roth. Ed. Jay L. Halio. Spec. issue of shafar 19.1(2000). – P.89–99.

4. Ройал Д.П. Опровержение исторической пасторали в американской трилогии Филипа Рота.

Royal D.P. Contesting the historical pastoral in Philip Roth,s American trilogy// American fiction of the 1990s.–L.:Rothledge, 2008.– P.6–28.

Е.А.Цурганова